

НЕПРОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

Ольга Волкова, Сергей Юрский и Николай Волков

в спектакле «Железный класс»

Независимая газета, —
1999 — 8 июля. — с. 7

Григорий Заславский

ПЬЕСА итальянского драматурга Альдо Николан «Железный класс» хороша тем, что дает работу актерам старшего поколения. Комедия, которая обрывается на трагической ноте, позволяющая располагать собой, когда сразу три хороших артиста претендуют на бенефис. Как раз такие, как Ольга Волкова, Сергей Юрский и Николай Волков. Именно они заняты в премьере театрального агентства «Арт-партнер XXI» (режиссер Николай Чиндякина — ученик Анатолия Васильева, уже имеющий опыт работы в частных антрепризах).

Чужая пьеса почти в каждом слове понятна русской публике. Она рассказывает о том, что так или иначе настигает людей, независимо от места жительства и времени действия (в данном случае — Италия, наши дни), — о старости. И о смерти. В этом смысле она очень похожа на уже известные нам театральные истории — легендарное «Соло для часов с боем» и более позднюю, но не менее легендарную «Дальше — тишина». Всякий выдавший, конечно же, прежде всего назовет имена актеров и, может быть, так и не вспомнит авторов этих пьес. Но то обстоятельство, что в общем-то особо не примечательные театральные истории превратились в истории, отнюдь не мешало и нынешней затее стать выдающимся событием. Может быть, наоборот, даже подстегивало, утверждая в верности избранной темы, в выборе артистов, не знаю — чего еще... Но что касается артистов — тут сомневаться не приходилось. И Юрский, и Волков, и Волкова — из тех, о ком без страха и упрека можно сказать, воспользовавшись определением, которое Марина Цветаева прилагала к поэтам: артисты с историей. За каждым — шлейф богатой событийности биографии, где биография — не перечень событий, а судьба. Даже их неудачи находят поклонников, готовых видеть только победы своих любимцев: что подделать — легенда своим крылом бросает тень далеко-далеко вперед.

В старости — в рассказе о ней — прямо сказать, ничего нового открыть нельзя, и в анамнезе обыкновенно присутствуют одни и те же обстоятельства места, времени и образа действия. Ничего нового нет в этом смысле и в пьесе «Железный класс». Кроме названия, данного по когдатошнему поименованию поколения, встретившегося с войной. Взгляд, вздох. Эх, какой оказался непрочный материал!.. Полвека спустя это воспоминание позволяет двум старикам сразу же перейти к общению «накоротке». Все остальное — из известных слагаемых: непонимание в семье, ставшие чужими дети, готовые отправить своих отцов в приют для престарелых. При таком раскладе одинокое житье-бытье

единственной женщины, Амбры (Ольга Волкова), в этой истории предпочтительнее многочисленных родственников, сыновей, их жен, внуков, как у Бокки и Пальи, которых играют соответственно Сергей Юрский и Николай Волков.

Свое знакомство старики начинают с «переключки»: почки? печень? предстательная железа? Оказывается, что у Бокки — Юрского катаракта: «Так ты слепой?!» — торжествует Палья — Волков, который только что должен был совершенно поникнуть из-за этой самой вырезанной железы. «Зато у меня свои зубы, свои волосы, —

Бокка умирает, так и не успев устроить побег... Да, они задумывают побег — от жизни, от чертовой родни, от старости в конечном счете... Бокка даже покупает билеты на поезд, и они уже предвкушают, как их будут искать и как потом надо будет подумать о переводе пенсии.

Такая сентиментальная история должна, по идее, вызывать слезы. Но слез нет. Хотя, наверное, кто-то и плачет, уже приготовив себя к глубоким переживаниям. И влюбленный в то, что скажет Юрский или Волков, или Волкова еще до того, как они успевают открыть рот.

сразу открывается формальное существование, совершенно очевидное в финале, когда необходим настоящий драматизм, а его-то и нет. Все остальное — глуховатый голос, точно нездешний, откуда-то издалека, «неявная» дикция, некоторая общая усталость и вялость — хорошо знакомо поклонникам таланта и описано критиками.

Игра Юрского есть чистая форма, оправа. Есть даже надрыз в этой форме, как бы чрезвычайность, крайность, доведенность ее до какой-то конечности, обостренность формального рисунка при отсутствии жизни. Он точно показывает

Сцена из спектакля.
Фото Михаила Гутермана

не успокаивается Бокка. — Я сплю с женщинами! — совершенно завирается он. Разговоры о болезнях понятны всем, кому за тридцать, и проходят «на ура».

«Нас ведь было много», — с некоторым удивлением говорит Волков об одноклассниках, в этот момент, кажется, вглядываясь в зал за поддержкой, — может быть, еще там кто-то остался? «Народу было полным-полно», — вспоминает он время, когда уходил в армию. Белый длинный шарф — веревкой — уныло обвивает его шею, бордовый, стильный — не шее у Юрского-Бокки.

Старики трогательно сорятся и трогательно же заботятся друг о друге. Бокка покупает своему приятелю-сладкоежке эклер и ни за что не хочет поделиться этой своей покупкой с Амброй, готовой полюбить обоих и заботиться о них. А когда Палья наконец принимается есть, Бокка-Юрский усаживается в двух шагах напротив и напряженно следит, как тот открывает рот, откусывает, принимается жевать, пристально ждет от друга выражения удовольствия...

Беда! В спектакле Николая Чиндякина почти не остается места для простых человеческих чувств. Актеры — особенно мужчины — так заполняют все пространство и время своим мастерством, отшлифованным годами (да что там — десятилетиями!), что сочувствовать им не получается. С самого выхода на сцену Юрский и Волков берут такую высоту, играют «на все сто», обрушивая на зал какие-то нечеловеческие тонны приспособлений и приемов — мягкости, жесткости, метод Михаила Чехова и бог знает что еще... К сожалению. А полный зал, замерев, — в жару, в духоту — напряженно вслушивается, вглядывается, пытается добраться до сути, понять изображаемую ими боль. (Хорошо еще, когда это всего лишь «внешняя» метафора, как у Волковой, у которой и на шее и на запястьях — колокольчики, и каждое слово этой восторженной воспитательницы детского сада на пенсии сопровождается витиеватым поворотом головы или взмахом руки — жестом! — и звенят, звенят бубенцы...)

— Волков поначалу кажется мягче, за этой мягкостью не

нам, как это можно сыграть. Старость, пытающуюся не замечать своих первых, вторых и третьих (последних) звонков. Старость, с которой совершенно не хочется ни считаться, ни тем более мириться. Старость... Ну и т.д. В этой демонстрации Сергей Юрский добивается совершенства. Но драматизма в показе нет и не может быть — другие законы и природа игры. Чуть попроше он начинает второе действие. Но рядом с ним в этот момент Ольга Волкова. Определение трагикомическая в приложении к ней наполняется смыслом в обеих половинках сложного слова, так что ни одна из его составляющих не перевешивает, но, как сообщающиеся сосуды, смысл «прибавляет» то в одной, то в другой его части. Пульсирует, живет. Ей нравятся, что одним своим видом, какой-то нелепостью Амбра может развеселить, она восторженна, как бывают восторженны и в старости те, кому всю жизнь довелось иметь дело с детьми. Вот такая здесь Волкова. Живая. А он, рядом с ней, — лишь на минуту, вдруг опрошаст доведенный до крайности формализм своей игры.